

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЭНКЛИТИКИ «СЯ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ УСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТЕКСТЕ ПВЛ

В своей работе, посвященной «Слову о полку Игореве», А. А. Зализняк рассмотрел поведение энклитики «ся» в памятниках письменности домонгольской Руси¹. Место частицы «ся» в предложении может быть двояким, т. е. она может располагаться как правее глагола (постпозиция), так и левее его (препозиция). Как показал исследователь, больший процент препозитивного употребления «ся» (50 %) свойствен новгородским берестяным грамотам раннего периода (XI—XIII в.), а наименьший процент характерен для памятников церковнославянской письменности.

К примеру, в Мариинском Евангелии препозиция встречается всего лишь 32 раза, что составляет 2,7 % употребления частицы «ся» в этом памятнике.

Процентные показатели препозитивного употребления «ся» в других древнерусских письменных источниках колеблются между минимумами церковнославянских памятников и максимумами новгородских берестяных грамот. Так как берестяные грамоты наиболее близки к живой речи, а канонические книги наиболее от нее удалены, то можно предположить, что препозитивное употребление частицы «ся» характерно именно для разговорной речи. Как показывают материалы Киевской летописи (XII в.) по Ипатьевскому списку, высокая доля препозиции в тексте этого памятника энклитики «ся» характерна для прямой речи светских лиц, а низкая — для авторской речи летописца и прямой речи церковных лиц (сюда же входят покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светских персонажей)². По всей видимости, такие показатели, свойственные Киевской летописи, связаны с тем, что летописец цитировал диалоги и послания князей буквально, не перестраивая их согласно стилю своего повествования³.

Следует предположить, что в Повести временных лет (далее — ПВЛ)⁴, составитель которой использовал как устные, так и письменные источники, первые будут отличаться от вторых большим процентом препозитивного употребления энклитики «ся», несмотря на литературную обработку этих источников летописцем.

Частотность употребления энклитики «ся» постпозитивно или препозитивно также обусловлена некими морфолого-синтаксическими факторами, что позволяет разбить наши данные по трем разрядам⁵.

1-й разряд: Только постпозиция. В том случае, если тактовая группа⁶ начинается с глагола, к которому относится «ся», препозиция невозможна.

2-й разряд: Преобладание препозиции в текстах, близких к живой речи⁷:

— тактовая группа начинается с инфинитива, который подчинен другому глаголу, либо тактовая группа является подлежащим (2);

¹ Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 50—68. Когда эта статья была уже написана, вышла книга: Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008, в которой данный вопрос рассматривается более подробно, но новые наблюдения исследователя не меняют выводы нашей работы.

² Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. С. 51.

³ Там же.

⁴ Наши дальнейшие рассуждения основываются на Лаврентьевском списке, так как представляется, что он содержит более ранний текст ПВЛ, чем Ипатьевский список.

⁵ А. А. Зализняк разбивает предложения с «ся» на 8 разрядов (см.: Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. С. 56—61) по различным критериям, но мы ограничимся тремя разрядами, которые сформируем из 8 разрядов, выделяемых А. А. Зализняком, исходя из частотности препозиции, т. е. 1-й разряд совпадает с 1-м разрядом, представленным у А. А. Зализняка, в котором препозиция невозможна, 2-й разряд включает 2-й, 3-й, 4-й и 5-й разряды по А. А. Зализняку и 3-й разряд — 6-й, 7-й и 8-й разряды.

⁶ О тактовой группе см.: Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. С. 52—54.

⁷ В скобках указаны разряды по А. А. Зализняку.

- тактовая группа начинается с местоимения или местоименного наречия (3);
 - тактовая группа начинается с неместоименного знаменательного слова (или с подлежащего) (4-4А);
 - тактовая группа начинается с проклитико-энклитической группы (5).
- Во всех приведенных случаях из 2-го разряда в интересующих нас текстах преобладает препозиция.
- 3-й разряд: Препозиция редка.
- левая часть предложения перед глаголом имеет более одной тактовой группы (6);
 - тактовая группа начинается с глагола, который стоит в причастной форме (нечленная форма) (7);
 - тактовая группа начинается с глагола, который стоит в причастной форме (членная форма и супины) (8).

Для образцовых источников в 3-м разряде характерна постпозиция.

Прежде чем приступить к рассмотрению летописных сюжетов, следует оговорить некоторые нюансы в сведениях новгородских берестяных грамот, так как данные А. А. Зализняка о 50-процентном препозиционном употреблении частицы «ся» в новгородских берестяных грамотах недифференцированно охватывают огромный промежуток времени от первой половины XI до XIV в.

В новгородских берестяных грамотах первой половины XI — первой четверти XII в. наблюдается следующая картина с употреблением частицы «ся» постпозитивно/препозитивно. На 8 случаев препозиции, зафиксированных в грамотах этого времени, приходится 5 случаев постпозиции, три из которых относятся к 1-му разряду примеров (начало тактовой группы), а один из-за серьезной лакуны нельзя отнести к какому-либо разряду примеров. Твердый пример постпозиции находится в грамоте № 605, которая была написана монахом Ефремом к иноку Исухию: «А я пращалься, нь...»⁸. Таким образом, из 9 бесспорных употреблений частицы «ся» (не относящихся к 1-му разряду) 8 представляют препозицию, что составляет 89 % всех употреблений.

В период со второй четверти XII в. по 60-е годы XII в. в новгородских берестяных грамотах встретилось 11 случаев употребления частицы «ся», из них 5 препозиционных употреблений и 4 — в постпозиции, которые относятся к 1-му разряду чтений, и два свидетельства постпозиционного употребления, одно из которых находится в плохо сохранившейся грамоте № 338. Текст грамоты, относящейся к первому 40-летию XII в., А. А. Зализняк приводит с реконструкцией: «[хватило ко]—шкова (соро)слося во 7 грвно...»⁹. Как видно из текста грамоты, после адресной формулы идет текст письма, начинающийся, по всей видимости, с глагола, что свидетельствует о том, что в данном случае препозиция была невозможна (глагол начинает тактовую группу). Второе же употребление энклитики «ся» в постпозиции обнаруживается в грамоте № 176. Но из-за лакуны в первой строке, насчитывающей около 10 букв, оставшийся текст второй «...стися в бъръзе домови»¹⁰ не позволяет ни восстановить смысл грамоты, ни определить, к какому разряду чтений относится данное постпозиционное употребление интересующей нас энклитики.

Если из наших вычислений отбросить все спорные случаи, то на 13 препозиций в новгородских берестяных грамотах за период с XI в. по 60-е годы XII в. встретилось всего лишь одно постпозиционное употребление частицы «ся», причем единственный пример постпозиции находится в письме одного монаха к другому.

В ПВЛ (исключая Поучение Владимира Мономаха) насчитывается, по нашим подсчетам, 559 случаев употребления частицы с глаголами (без учета 1-го разряда), из них 79 примеров относятся к препозиции, что составляет 14 % всех употреблений, и 480 примеров к постпозиции — 86 %. Как можно видеть, ПВЛ в целом относится к памятникам с редкой препозицией.

⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 241.

⁹ Там же. С. 340.

¹⁰ Там же.

Из 79 примеров препозиции 35 (43 % от числа всех препозиций энклитики «ся») встречаются в авторской речи и 44 употребления (57 %) препозиций приходится на прямую речь летописных персонажей. Таким образом, получается, что препозиция несколько чаще встречается в прямой речи, нежели в авторской. Как представляется, для постпозиции процентное соотношение между прямой и авторской речью должно быть обратным. Но оно, на первый взгляд, сходно. Для постпозиции 200 употреблений приходится на прямую речь (42 %) и 281 (58 %) — на авторскую.

Попробуем объяснить приведенные данные. Мы решили любую прямую речь (в отличие от А. А. Зализняка), кому бы она ни принадлежала — церковным или светским лицам, отнести к прямой речи, так как речей церковных лиц в ПВЛ не очень много (за единственным исключением). В ПВЛ под 988 г. находится так называемая Речь Философа, в которой греческий проповедник рассказывает Владимиру о христианской вере. Данный сюжет, без сомнения, является «речью» церковного лица, более того, эта «речь» вся пронизана библейскими цитатами, т. е. опирается на книжную традицию¹¹. Следовательно, если идти вслед за А. А. Зализняком, нужно отнести Речь Философа к речи церковных лиц. В Речи Философа представлены 60 постпозиций всего на две препозиции. Если данные по энклитике «ся» в Речи Философа отнести к авторской речи и пересчитать наши примеры, то получится следующая картина: для постпозиции в прямой речи будет насчитываться уже 140 примеров (29 %), а для авторской — 341 пример (71 %).¹² Для препозиции же сведения не сильно изменятся: 55 % в прямой речи и 45 % в авторской. Данное соотношение, естественно, будет только расти в сторону увеличения постпозиции в авторской речи, если отнести к ней и другие высказывания церковных лиц. Высокий же процент препозиции именно в прямой речи (55 %) объясняется тем фактом, что для устного древнерусского языка как раз характерна препозиция, а для письменного, наоборот, не характерна. Как мы увидим ниже, увеличение доли препозиции в ПВЛ приходится на те сюжеты, которые насыщены прямой речью персонажей и, как представляется, не восходят к письменным источникам. Такой высокий процент препозиции, по нашему предположению, указывает как раз на устное происхождение данных сюжетов. Теперь рассмотрим некоторые из них на предмет частотности препозиции энклитики «ся».

Летописная статья 992 г. содержит предание о Кожемяке и его борьбе с печенегом. Приведем его полностью, жирным шрифтом отметив прямую речь персонажей и подчеркиванием — те части фраз, в которых встречается интересующая нас энклитика:

«В лѣто 6500 (992) Иде [Володимиръ] на Хорваты. Пришедшо бо ему с воины Хорватъскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ, и сrete и на Трубеши ни бродѣ, где нынѣ Переяславль, и ста Володимеръ на сеи сторонѣ, а Печенѣзи на оной и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну, и приѣха князь Печенѣжьскыи к рѣкѣ, во[з]ва Володимера и рече ему:

«Выпусти ты свои мужъ а я свои, да ся борета. Да аще твои мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта. Аще ли нашъ мужъ оударить, да воюемъ за три лѣта».

И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, [и] посла биричи по товаромъ, глаголя:

«Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с Печенѣжиномъ».

И не обрѣтесе никдѣже. Заутра приѣхаша Печенѣзи, и свои мужъ приведоша. И въ наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ. И приде единъ старъ мужъ ко князю, и рече ему:

«Княже, есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтства бо его нѣсть, кто имъ ударилъ, единою бо ми и сваряцю, и оному мьнуцю оусние разгнѣвавъся на мя, преторже череву рукама».

Князь же се слышавъ, радъ бысть [и] посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся. Се же рече:

¹¹ Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. С. 685 и сл.

¹² Общее же число препозиции в ПВЛ (с учетом Речи Философа) относительно всех употреблений энклитики «ся» в авторской речи приближается к 11 %, а препозиция в прямой речи встречается в 22 % случаев.

«Княже, не вѣдѣ, могу ли ся и да искусить мя. Нѣту ли быка велика и силна». И налѣзоша быкъ великъ и силенъ. И повелѣ раздраждити быка, возложиша на нь желѣза горяча. И быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ:

«**Можеши ся с ни[мъ] бороти**». И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати:

«**Нѣ ли мужа, се нашъ доспѣл**». Володимеръ же повелѣ той нощи [ся облещи] въ оружъ. И приступиша ту обои, выпустиша Печенѣзи мужъ свои, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужъ Володимеръ. И узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣся, бѣ бо середний тѣломъ. и размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я к собѣ, и ястася. [И] почаста ся крѣпо держати, и оудави Печенѣзина в руку, до смерти, и оудари имь о землю, и кликнуша. И Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бротѣ томъ, и нареч и Переяславль, зане перея славу отроко ть. Володимеръ же великимъ мужемъ створи того, и отьца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою¹³.

В данном повествовании интересующее нас возвратное «ся» встретилось 12 раз, из них 5 раз в препозиции и 7 раз в постпозиции, что составляет, на первый взгляд, для препозиции 38 % употреблений. Рассмотрим препозитивные употребления. Четыре из них попадают во второй из выделенных нами разрядов, а один — в третий, что отмечено в скобках после каждой фразы.

- «...а я свои, да ся борета» (2);
- «иже бы ся ялъ с Печенѣжиномъ» (2);
- «можеши ся с ни[мъ] бороти» (2);
- «повелѣ той нощи [ся облещи]» (3);
- «и почаста ся крѣпо держати» (2).

Семь постпозитивных употреблений представляют весьма любопытную картину:

- 1) «...да воюемъ за три лѣта. И разидостася разно» — 1-й разряд, так как тактовая группа начинается с глагола, следовательно, препозиция невозможна;
- 2) «и не обрѣтесе никдѣже» — также 1-й разряд (см. первый пример постпозиции);
- 3) «...могу ли ся, и да искусить мя...» — в данном случае это явная ошибка (Академический дает верное «со нь», т. е. «с ним»);
- 4) «и, оному, мнуще усние, разгнѣвавъся на мя» — глагол не только стоит в причастной форме, но также является началом тактовой группы, следовательно, нужно отнести данное предложение к 1-му разряду примеров — препозиция невозможна;
- 5) «и узрѣ и печенежинъ и посмеся» — 1-й разряд;
- 6) «И ястася и» — 1-й разряд;
- 7) «Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою» — 2-й разряд.

Как можно видеть, 5 из постпозитивных примеров относятся к первому разряду, где препозиция невозможна, один можно свести к ошибке летописца, а седьмой пример явно относится к шаблонным выражениям летописца. Это явное добавление летописца после изложения «переяславского» события. И так, даже если отбросить только примеры, относящиеся к 1-му разряду, то на 7 возможных употреблений «ся» препозитивно/постпозитивно 5 находятся в положении перед глаголом, что составляет 71 % всех употреблений. А если принять во внимание наши замечания и по другим двум примерам, то можно заключить, что сюжет о Кожемяке имеет 100-процентный показатель препозиционного употребления частицы «ся» в тех случаях, когда возможны оба варианта расположения данной энклитики относительно глагола.

Следует отметить, что из 5 препозиций 3 приходятся на речь персонажей и 2 — на авторскую речь.

Рассмотрим аналогичным образом предание о белгородском киселе, которое располагается в ПВЛ под 997 г.

¹³ ПСРЛ. М., 1961. Т. 1. С. 122–124.

«В лѣто [6505] Володимеру же шедшо Новугороду, по верховниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время оувѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣту, [и] придоша, и сташа около Бѣлагорода, и не даяху вылѣсти из города. И бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вои оу него. Печенѣгъ же множество много. И удовлжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче в городѣ, и рѣша:

«Се уже хотимъ померети от глада, а от князя помочи нѣту, да луче ли ны померети, вдаимы ся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли оумертвять — уже помираем от глада».

И тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ, не былъ на вѣчи томъ, и впраша, что ради вече было, и людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣишины градъскыя, и рече имъ:

«Слышахъ, яко хотите ся передати Печенѣгомъ».

[Они же рѣша]:

«Не стерпять людье глада».

И рече имъ:

«Послушайте мене, не передайтеся за 3 дъни, и я вы, что велю створите».

Они же ради обѣщаша ся послушати. И рече имъ:

«Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ».

Они же шедше, ради снискаша, и повелѣ женамъ створити цѣжь, в немъже варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и встави[ти] тамо кадъ, и нальяти цѣжа кадъ, и повелѣ другыи колодязь ископати, и вставити тамо кадъ. И повелѣ искати меду. Они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши, и повелѣ росыгити велми, и вълъяти в кадъ в друзѣмъ колодязи. Оутро же повелѣ послати по Печенѣгы, и горожане же рѣша, шедше к Печенѣгомъ:

«Поимѣте к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ в градъ, да видите что ся дѣять в градѣ нашем».

Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучшиѣ мужи в городѣхъ, и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье:

«Почто губите себе, коли можете престояти нас, аще стоите за 10 лѣт. Что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ, аще ли не вѣруете, да узрите своимъ очима».

И приведоша я къ кладязю идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ, и льяша в латки, яко свариша кисель, и поимше, придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удивишася, и рекоша:

«Не имуть вѣры наши князи, аще не ядят сами людье, же нальяха корчагу цѣжа и сыты от колодязя».

[И]вдаша Печенѣгомъ. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая, и варивше, яша князи Печенѣзстыи и подивишася. И поимше тали своя, и онѣхъ путивше, вѣсташа от града въ своя си идоша¹⁴.

В этом сказании предложения с энклитикой «ся» встречаются 10 раз (5 раз «ся» находится левее глагола и 5 раз правее).

Все 5 постпозитивных употреблений относятся к 1-му разряду (препозиция невозможна):

- 1) «И удовлжися, отстоя в городѣ»;
- 2) «Вдаимы ся Печенѣгомъ»;
- 3) «Не передайтеся за 3 дъни»;
- 4) «И удивишася»;
- 5) «И подивишася».

Четыре препозиционных употребления следует свести к двум, так как фраза: «яко утро хотят ся людье передати Печенѣгомъ», фактически продублирована словами старца: «яко хотите ся передати

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 127–129.

Печенѣгом», читающимися сразу вслед за ней. Оба предложения относятся ко 2-му из выделенных нами разрядов. Две другие препозиции также практически тождественны. «Да видите, что ся дѣять в градѣ нашем» и «да розглядають в городѣ, что ся дѣеть». Как можно видеть, фразы очень схожи по синтаксическим конструкциям, и две из них приходятся на авторскую речь, а две на прямую речь персонажей повествования. Вероятно, летописец продублировал эти фразы, но к какой речи, авторской или речи персонажей, они изначально принадлежали, мы можем лишь предполагать. Как нам представляется, прямая речь героев повествования первична, а авторская как бы дополняет рассказ, поясняя сказанное героями. Для нас важно отметить то обстоятельство, что летописец, помещая текст рассказа в летописный свод и вмещиваясь в это повествование, не изменил первоначальную препозицию энклитики «ся», а пошел вслед за «устным дискурсом».

Процент препозиции в предании о белгородском киселе, как и в сюжете о Кожемяке, составляет 100 (5 из 5 возможных употреблений энклитики приходятся на препозицию).

Следовательно, процент препозиционного употребления энклитики «ся» в обоих рассказах составит 100, т. е. 10 из 10 употреблений приходятся на препозицию. Следует отметить, что 5 из них принадлежат прямой речи, а 5 — авторской.

Ранние новгородские берестяные грамоты, как мы указывали выше, дают также очень высокий процент препозиции для выделенных нами 2-го и 3-го разряда (12 из 13 употреблений), т. е. 93 %.

Как нам представляется, практически 100-процентное (с единственным исключением) употребление препозиции энклитики «ся» в ранних берестяных грамотах, с одной стороны, и в рассмотренных нами сюжетах ПВЛ — с другой, весьма примечательно.

Препозитивное употребление «ся» в ПВЛ распределено неравномерно по всему ее тексту, и, как мы показали выше, увеличение препозиции отмечается в сюжетах, имеющих устное происхождение. К примеру, между рассмотренными нами преданиями в ПВЛ находится статья под 996 г., посвященная построению церкви и обустройству русского государства после крещения. Энклитика «ся» встречается 12 раз, из них 7 употреблений относятся к 1-му разряду, а пять — ко 2-му и 3-му разрядам. Препозиция в этом тексте не встречается ни разу.

Рассмотрим остальные примеры препозитивного употребления «ся» в сюжетных повествованиях ПВЛ.

В недатированной части ПВЛ высокий процент препозиции наблюдается в легенде об Андрее Первозванном, особенно в той части легенды, которая посвящена пребыванию апостола в Новгороде, в «киевской» же части легенды глагол с «ся» встречается всего лишь один раз, и этот случай относится к 1-му разряду примеров. Сюжет же о пребывании апостола Андрея в Новгороде включает 9 примеров употребления частицы «ся» с глаголами, 3 из которых представляют препозицию, а в 5 случаях энклитика стоит после глагола:

«И поиде по Днѣпру горѣ, и приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новѣгородъ, и, видѣ ту люди суцая, како естъ обычаи имѣ, и како ся мьють [и] хвоцють, и оудивися имѣ.

[И] иде въ Вариги, и приде в Римѣ, [и] исповѣда елико наоучи и елико видѣ. И рече имѣ:

«Дивно видехъ словѣнскую землю. Идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережьгутъ е рамяно, [и] совлокуться, и будутъ нази, и облѣются квасомъ оуснинымъ, и возмутъ на ся прутье младое, [и] бьютъ ся сами, и того ся добыють, егда влѣзуть ли живи и облѣются водою студеною, [и] тако ужнуть. И то творять по вся дъни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенья себе, а не мученья.

Ты слышаще, дивляхуса. Оньдrei же, бывъ в Римѣ, приде в Синофию»¹⁵.

Все пять постпозиционных употреблений относятся к 1-му разряду:

- 1) «И удивися имѣ»;
- 2) «И совлокуться»;

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 8–9.

- 3) «И быють ся сами»;
- 4) «И облѣются»;
- 5) «Ты слышаще, дивляхуса».

Следовательно, на 3 формы, представляющих 2-й и 3-й разряд в тексте легенды об апостоле Андрее, фиксируется 3 примера употребления «ся» в препозиции, т. е. перед нами опять 100-процентное появление препозиции в тексте предания. Таким образом, в рассмотренных нами сюжетах (предание о белгородском киселе, предание о юноше-кожемяке и легенда об Андрее Первозванном (новгородская часть)) из 13 возможностей записать частицу «ся» препозиционно или постпозиционно — все 13 раз летописец первой редакции ПВЛ ставит «ся» после глагола, что практически совпадает с процентным соотношением препозиции/постпозиции в новгородских берестяных грамотах XI в. — 60-х годов XII в.

Прочие случаи препозитивного употребления интересующей нас энклитики в нарративных фрагментах ПВЛ весьма примечательны.

В недатированной части ПВЛ встречаем еще только одну препозицию в предании о хазарской дани во фразе старцев хазарских: «Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною...»¹⁶. Но, к сожалению, на основании этого какой-либо вывод сделать сложно, так как предание о хазарской дани содержит еще только одно употребление частицы «ся» с глаголом в постпозиции, которое относится ко второму из выделенных нами разрядов и является устойчивой формулой, свидетельствующей о свершившемся факте пророчества: «се же сбься».

В статье 898 г., в так называемом Сказании о грамоте Словенской, которая, как считается, имеет письменное происхождение (хотя существуют и возражения), препозиция энклитики «ся» встречается дважды в словах римского папы о хулящих славянские письмена, что, на наш взгляд, может указывать на устное происхождение его слов.

Под 988 г. в ПВЛ читается так называемая Корсунская легенда о крещении князя Владимира, устное происхождение которой вполне очевидно. Поведение энклитики «ся» в самом этом тексте весьма примечательно. В первой части рассказа, где повествуется о взятии Владимиром Корсуни и просьбе о заключении брака с византийской царевной, все 4 примера употребления «ся» приходятся на препозицию. А с ответа Владимира посланникам царей: «глаголете царема тако, яко азъ крыщюся...» до слов «другие инако скажають» в тексте встречается только постпозиция¹⁷.

Под 1022 г. в ПВЛ находится рассказ о поединке Мстислава с Редедей. В данном рассказе на 4 употребления «ся» 3 приходится на препозицию, что свидетельствует об устном происхождении рассказа об этом поединке.

Приведенные данные по расположению энклитики «ся» в тексте ПВЛ позволяют с большой долей уверенности говорить о том, что встречающееся в некоторых сюжетах преобладание препозиции над постпозицией указывает на их устное происхождение. К сожалению, для большинства сюжетов ПВЛ выделенный нами критерий не является релевантным, так как чаще всего сюжеты не содержат даже двух-трех предложений с энклитикой «ся», относящихся ко 2-му и 3-му разряду, что не позволяет сделать какие-либо определенные выводы. Несмотря на это, нам представляется, что выделенный лингвистический критерий для определения устных по происхождению сюжетов в раннем древнерусском летописании может оказаться не единственным и поиски новых критериев позволят по-иному взглянуть на филологические возможности выявления устных сюжетов в древнерусских памятниках.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ ПСРА. Т. 1. С. 109–111.